Город призраков

Автор:
Виктория Шваб

Город призраков

Виктория Шваб

Кэссиди Блейк #1

После того, как Кэссиди чуть не утонула, она научилась приоткрывать завесу, отделяющую мир живых от мира мертвых. Ее лучший друг – призрак. В ее жизни все и так уже непросто, но станет гораздо сложнее, когда ее родители примут участие в телешоу о самых известных местах в мире, связанных со сверхъестественными явлениями.

Семья Кэссиди отправляется в Шотландию, в Эдинбург – Город призраков, где кладбища и замки кишат привидениями. Кэсс предстоит узнать много нового, и учиться придется быстро, ведь Город призраков опаснее, чем она думает.

Виктория Шваб

Город призраков

Victoria Schwab

City of Ghosts

Text copyright © 2018 by Victoria Schwab

© Е. Мигунова, перевод на русский язык

©ООО «Издательство АСТ», 2019

Городу, в котором я оставила свое сердце.

Умереть – это ведь тоже большое и интересное приключение.

Джеймс Барри, «Питер Пэн»

Часть первая

Оккультурологи

Глава первая

Считается, что призраки являются только по ночам или на Хэллоуин, когда кругом темно, а границы между мирами истончаются. Но на самом деле призраки повсюду. В хлебном отделе вашего супермаркета, в бабушкином саду, на переднем сиденье автобуса, в котором вы едете.

То, что вы их не видите, совсем не значит, что их там нет.

Я сижу на уроке истории и вдруг чувствую тук-тук-тук по плечу – словно капли дождя. Одни называют это интуицией, другие ясновидением. Такое странное щекочущее чувство на границе ощущений, подсказывающее, что за этой границей есть что-то еще.

Меня оно посещает уже не в первый раз – за сравнительно короткое время. Иногда накатывает даже тут, в школе. Я пробовала не обращать на это внимания – каждый раз пробую – не помогает. Оно будто уворачивается, потом нападает снова, и я уже знаю, что единственный способ справиться – это подчиниться. Пойти и проверить, что там.

Сидя в другом конце класса, Джейкоб ловит мой взгляд и качает головой. Он не чувствует тук-тук-тук, но достаточно хорошо меня знает, чтобы понять, когда я это слышу.

Я ерзаю на стуле, заставляя себя сосредоточиться на том, что происходит в классе. Мистер Мейер отважно пытается вести урок, не обращая внимания на то, что идет последняя неделя занятий и до летних каникул осталось всего ничего.

– …к концу войны во Вьетнаме в 1975 году американские войска… – бубнит учитель. Его никто не слушает. Да что там, его вообще не замечают. Дерек и Уилл спят с открытыми глазами, Мэтт мастерит из бумаги очередной футбольный мяч. Элис и Мелани составляют какой-то список.

Элис и Мелани – популярные девочки.

Это можно сразу понять по тому, что выглядят они, как клоны – одинаковые блестящие локоны, одинаковые безупречные зубы, одинаково накрашенные ногти, – а вот я тощая и нескладная, с круглыми щеками и курчавыми темными волосами. У меня даже нет лака для ногтей.

Считается, что все спят и видят, как бы стать популярным. Но, признаюсь, сама я никогда этого не хотела. По-моему, это ужасно утомительно – пытаться следовать бесчисленным правилам. Их и запомнить-то невозможно. Улыбаться, но не слишком широко. Смеяться, но не очень громко. Носить правильную одежду, заниматься правильным спортом, проявлять заботу о том и о сем, но не чересчур.

(У нас с Джейкобом тоже есть правила, но они же совсем другие.)

Вдруг Джейкоб встает и подходит к парте Мелани. Вот он, я думаю, мог бы стать популярным, с его-то волнистыми светлыми волосами, ярко-голубыми глазами и добродушным характером.

Бросив на меня озорной взгляд, он подсаживается к ней на край парты.

Да, мог бы стать, если б не одна проблема.

Джейкоб мертв.

– «Что нам нужно для киновечеринки…», – громко читает он, заглядывая в записку Мелани. Но слышу Джейкоба только я одна. Мелани складывает другой листок – приглашение на вечеринку, понимаю я, потому что печатные буквы ярко-розового цвета – и тянется, чтобы передать его Дженне, сидящей перед ней. И ее рука проходит прямо сквозь грудь Джейкоба.

Он делает вид, что страшно оскорблен, и вскакивает с парты.

Тук-тук-тук, тихонько стучит у меня в голове, будто кто-то шепчет, но я не могу разобрать слов. Я нетерпеливо поглядываю на часы над дверью. Когда же, наконец, звонок?

Джейкоб подруливает к Элис, у которой на парте разложено множество разноцветных ручек. Нагнувшись над ними, он протягивает к одной из ручек палец, целиком сосредоточившись на том, чтобы толкнуть ее.

Но ручка лежит, не шелохнется.

В кино духи-полтергейсты швыряют телевизоры и двигают по полу кровати. Но на самом деле призраку приходится тратить уйму энергии, чтобы пройти сквозь Вуаль – завесу между их миром и нашим. А те призраки, которым хватает на это сил, обычно очень старые и довольно угрюмые. Живые могут черпать силы в любви и надежде, а мертвецы крепчают от более мрачных вещей. От боли, гнева и тоски.

Теперь Джейкоб, хмурясь, пытается – снова безуспешно – сдвинуть с места бумажный мячик Мэтью.

Как хорошо, что он не мрачный.

Вообще-то, я даже не знаю, давно ли Джейкоб мертв (об этом я стараюсь думать приглушенно, так как знаю: ему это не понравится). Наверное, все произошло не так уж давно, потому что выглядит он вполне современно – в футболке с супергероем, темных джинсах и высоких кроссовках. Но он никогда не рассказывает, что с ним случилось, а я не спрашиваю. У друзей есть право на секреты друг от друга – это так, даже несмотря на то, что Джейкоб может читать мои мысли. Я вот не могу узнать, о чем думает он. Но не жалею: если все взвесить, лучше быть живым, хоть и не телепатом, чем телепатом, но призраком.

При слове призрак он вскидывает голову и многозначительно покашливает.

– Предпочитаю формулировку «человек с ограниченными телесными возможностями».

Я возмущенно округляю глаза – Джейкоб отлично знает, я не люблю, когда он без разрешения роется в моих мыслях. Да, наши отношения необычны – но, слушайте, должны же быть какие-то рамки!

– Я не виноват, что ты так громко думаешь, – оправдывается Джейкоб, усмехаясь.

Я фыркаю, и несколько одноклассников косятся в мою сторону. Втянув голову в плечи, стараюсь слиться с партой, при этом ногами задеваю лежащий на полу рюкзак с учебниками. Приглашение, которое Мелани передала Дженне, перемещается по классу. У моей парты оно не задерживается. Меня это не огорчает.

Уже почти наступило лето, а это значит – свежий воздух, много солнца и читать книжки не по списку, а просто для удовольствия. Это значит, что наше семейство, как всегда, отправится в съемный дом на пляже в Лонг-Айленде, где мама и папа будут работать над новой книгой.

Но – самое главное! – это значит: никаких привидений.

Сама не знаю, что не так с этим домом на пляже – может, дело в том, что он совсем новый, или в том, что стоит на отлете, один на берегу, но там и вправду намного меньше призраков, чем здесь, в Нью-Йорке. А значит, когда окончатся

занятия, меня ждут целых шесть недель солнца, песка и спокойного сна по ночам.

Шесть недель без бесконечного тук-тук-тук от неугомонных духов.

Шесть недель, когда я буду чувствовать себя почти нормальной.

Жду не дождусь, скорей бы уже.

Жду не дождусь… и все же, когда звенит звонок, я вскакиваю, вешаю рюкзак на одно плечо, а фиолетовый ремень фотоаппарата на другое и позволяю ногам нести меня вперед, навстречу настойчивому тук-тук-тук.

– Безумная идея, – заявляет Джейкоб, проявляясь на лестнице рядом со мной. – Но есть еще время передумать, мы еще можем просто пойти пообедать.

Сегодня четверг. День мясного рулета, думаю я, следя за собой, чтобы не говорить вслух. Уж лучше встретиться с призраком.

– Эй, полегче, – говорит он. Но мы оба знаем, что Джейкоб не обычный призрак, как и я – не обычная девочка. С некоторых пор. Это был несчастный случай. Велосипед. Река подо льдом. Не вдаваясь в детали, Джейкоб спас мне жизнь.

– Ага, я почти супергерой, – гордо говорит Джейкоб, и тут дверца шкафчика резко открывается, прямо ему в лицо. Я морщусь, но он проходит прямо сквозь стену. Я не то чтобы забыла, кто такой Джейкоб – как можно забыть, что твой лучший друг невидим для всех остальных. Но это просто удивительно, насколько быстро к такому привыкаешь.

Да и вообще, то, что Джейкоб рядом со мной уже почти год – это еще не самая странная часть моей жизни. Согласитесь, тут есть о чем задуматься.

Мы выскакиваем в вестибюль. Налево – коридор, ведущий к школьному буфету. Направо – лестница.

– Последний шанс сделать нормальный выбор, – предостерегает Джейкоб, но на лице у него появляется хитрая, кривая улыбочка. Мы оба знаем: нормальное для нас уже давным-давно осталось позади.

Мы идем направо.

Спускаемся по лестнице, попадаем в другой вестибюль, пробираемся сквозь толпу (все спешат на обед), и с каждым поворотом все сильнее, все громче звучит тук-тук-тук, тащит нас к себе, будто на веревке. Мне даже не приходится задумываться, куда идти. Вообще-то, проще, когда я перестаю думать и просто разрешаю звуку вести себя.

Он приводит меня к дверям актового зала. Джейкоб, сунув руки в карманы, бормочет что-то насчет плохих идей. На это я напоминаю, что ему идти туда не обязательно – хотя на самом деле очень рада, что он со мной.

– Девятое правило дружбы, – отвечает он, – наблюдение за призраками – забава для двоих.

– Вообще-то да, – киваю я, снимая крышку с объектива фотоаппарата. Он старый и неуклюжий, этот аппарат, висящий у меня на плече на широком фиолетовом ремне, – неавтоматический, с неисправным видоискателем и черно-белой пленкой.

Если кто-то из учителей застукает меня в актовом зале, скажу, что делаю снимки для школьной газеты. Хотя учебный год кончается, и школьные кружки уже закрылись на лето…

И я никогда не работала в школьной газете.

Толкнув дверь, я вхожу в зал – просторный, с высоким потолком и тяжелым алым занавесом, скрывающим сцену от глаз.

Вдруг я понимаю, что тук-тук-тук зовет меня именно туда. У каждой школы есть свои предания. Некое объяснение, что за странный скрип раздается в туалете для мальчиков, почему на задних партах в кабинете английского всегда холодно, а в актовом зале попахивает дымом.

Моя школа не исключение. Единственное отличие в том, что, слыша рассказы о привидениях, я могу проверить, правдивы ли они. Чаще всего это оказывается выдумкой.

Таинственный скрип – всего лишь дверь с несмазанными петлями.

Зловещий холодок – просто сквозняк.

Но сейчас, следуя за тихим тук-тук-тук по проходу между рядами, а потом на сцену, я понимаю, что с этой легендой дело обстоит иначе.

В ней говорится о мальчике, который погиб во время театрального представления.

Давным-давно, когда школа только открылась, во время второго акта «Сна в летнюю ночь» начался пожар. Пламя охватило декорации, но все успели спастись – вернее, думали, что все.

Пока не подняли крышку люка и не нашли того мальчика.

Джейкоб – он идет рядом со мной – вздрагивает, а я закатываю глаза. Для привидения он слишком пуглив.

– Тебе никогда не казалось, – говорит он, – что это ты недостаточно пуглива?

Но меня так же легко испугать, как любого другого. Хотите верьте, хотите нет, я вовсе не стремлюсь проводить время в поисках призраков. Просто, когда они рядом, я не могу не обращать на них внимания. Как будто ты знаешь, что кто-то стоит у тебя за спиной – попробуй тут не обернуться. Кто-то дышит тебе в затылок, и ты это чувствуешь, и, чем дольше не оглядываешься, тем хуже, ведь понятно же – то, чего не видишь, всегда намного страшнее того, что видишь.

Я залезаю на сцену, Джейкоб не отстает. Я чувствую, что ему не по себе. Его колебания так и тянут меня назад, но я приподнимаю край тяжелого красного занавеса и пробираюсь под ним. Джейкоб за мной – только он проходит прямо сквозь занавес.

Здесь темно – настолько, что глаза не сразу различают бутафорские предметы и скамейки, в беспорядке расставленные по сцене. Из-под занавеса пробивается узкая полоска света. Здесь тихо, но есть какое-то жутковатое ощущение движения. Я слышу еле слышный слабый стон – это покачиваются на крюках отвесы из мешков с песком. Шепот воздуха под половицами. Шелест – надеюсь, это шуршит бумага, а не крысы.

Я слышала, как ребята постарше подзадоривали друг друга: слабо тебе зайти туда? Прижать ухо к полу и прислушаться – не зовет ли на помощь тот мальчик, не сумевший выбраться. А один раз в коридоре я подслушала, как старшеклассники хвастались тем, кто сколько здесь продержался. Минуту. Две. Пять. Кто-то утверждал, что слышал голос мальчика. Другие будто бы чувствовали запах дыма и слышали топот убегающих детей. Но разве поймешь, где кончаются выдумки и начинается правда.

Меня никто не подбивал сюда прийти. Да и кому придет в голову пугать чем-то этаким человека, у которого родители пишут книги о паранормальных явлениях.

Ну да, это и правда было бы странно.

Пробравшись в темноте почти на середину сцены, я обо что-то спотыкаюсь и лечу вперед. Джейкоб взмахивает руками, пытаясь меня удержать, но его пальцы проходят насквозь, а я падаю на четвереньки, стукнувшись коленкой о деревянный пол. Странно, но половицы под ладонями немного пружинят – я не сразу догадываюсь, что рухнула прямо на крышку люка.

Тук-тук-тук звучит все настойчивее, отдаваясь в ободранных руках. Краем глаза я замечаю движение: тонкая серая завеса колышется, как от ветра. Она совсем не похожа на тяжелый сценический занавес. Эту завесу не видит никто, кроме меня.

Вуаль.

Граница между этим миром и чем-то иным, между жизнью и смертью. Ее-то я и искала.

Джейкоб переминается с ноги на ногу.

– Давай покончим с этим поскорее.

Я поднимаюсь.

– Дай призрачные «пять», – отвечаю я. То же самое, что дать «пять», но для друзей, которые не могут коснуться друг друга. Выглядит это примерно так: я поднимаю руку, а Джейкоб делает вид, что хлопает по моей ладони своей, и при этом мы оба изображаем тихий звук шлепка.

– Ой! – Джейкоб отдергивает руку. – Ты зачем так сильно бьешь?

Меня это смешит. Иногда он такой прикольный. Но вот я касаюсь Вуали, и смех смолкает, стремительно уступая место страху и тревоге.

Как-то по телевизору я видела «охотников за привидениями», они рассказывали о переходе, о встрече с другой стороной. По их рассказам это было, все равно что щелкнуть выключателем или распахнуть дверь. Но для меня все по-другому: нащупать край завесы, уцепиться за ткань и потянуть.

Иногда, если по ту сторону никого нет, Вуаль очень тонка, скорее похожа на дымок, чем на ткань, и тогда ее трудно схватить и удержать. Но уж если место облюбовали привидения – если они там действительно есть, – ткань вьется вокруг и чуть ли не сама втягивает меня внутрь.

Сейчас она вьется у меня между пальцами, ждет, чтобы ее поймали.

Я хватаюсь за Вуаль, набираю в легкие побольше воздуха и тяну.

Глава вторая

Когда я была маленькой, то боялась чудища в шкафу. Часто я не могла уснуть, и тогда приходил папа, открывал дверь шкафа и показывал мне, что там никого нет. Пройти Вуаль – это примерно как распахнуть закрытую дверь.

С той разницей, конечно, что чудищ на самом деле не существует, и шкаф всегда оказывался пустым.

С Вуалью… все не так.

По коже пробегает холодок. На секунду я оказываюсь не на сцене, а под водой, над головой ледяное течение, свет исчезает, а что-то тяжелое тянет меня вниз, вниз, вниз…

– Кэссиди.

Услышав голос Джейкоба, я моргаю, и воспоминание о реке уходит. Я опять на сцене, и тут все, как раньше, но другое. Сцена потускнела, точно старая выцветшая фотография, зато теперь здесь не так темно. Наоборот, сцена освещена, на нее направлены софиты, а из-за занавеса слышен приглушенный шум голосов.

Джейкоб по-прежнему рядом со мной, но сейчас он кажется более осязаемым, реальным. Опустив глаза, я осматриваю себя. Выгляжу обычно, как всегда, разве что бледнее – но это все равно я, с камерой на плече. Единственное серьезное отличие – свет у меня в грудной клетке. Прямо сквозь ребра пробивается яркое, голубовато-белое свечение, скрученное в спираль, как в электрической лампочке.

– Как у Железного человека [1 - Джейкоб имеет в виду комиксы и мультсериал «Железный человек: Приключения в броне».], – шутит иногда Джейкоб.

Я прижимаю фотоаппарат к груди, чтобы приглушить сияние.

– По местам! – раздается из кулисы голос взрослого, и от неожиданности я вздрагиваю. Джейкоб прихватывает меня за рукав, и на этот раз его рука не проходит насквозь. Здесь то ли он более плотный, то ли я – менее, но в любом случае я благодарна ему за поддержку.

– Второй акт! – добавляет голос.

И тогда я понимаю, что это.

Когда это.

День того пожара.

На сцене суетятся, занимая свои места, взволнованные мальчики и девочки, в коронах фей и блестящих плащах. Меня и Джейкоба они не замечают. Поднимается занавес, и слышно, как в темном зрительном зале переговариваются зрители. Мне приходится напомнить себе, что на самом деле в зале никого нет. Это место, пространство, время – все здесь принадлежит призракам. И их воспоминаниям.

Прочее – только декорации.

Я поднимаю камеру, не поднося видоискатель к глазам (он все равно сломан). Быстро щелкаю несколько раз, хотя и знаю: в лучшем случае на снимке удастся разглядеть бледную тень того, что здесь происходит. Чуть больше того, что видят все. Но меньше того, что вижу я.

– Подумать только, – с тоской шепчет Джейкоб, – мы могли бы сейчас сидеть в школьной столовой, обедать, как все нормальные люди.

– Нормальные? Ты не можешь есть, а я вижу призраков, – шепчу я в ответ. Между тем, начинается второй акт. Феи собираются вокруг королевы в нарисованном лесу.

Я оглядываю сцену, конструкции над головой, декорации, пытаясь обнаружить источник огня. Возможно, меня потому и тянет в такие места. Ведь не случайно же здесь собираются привидения. Может быть, если кто-то узнает правду – если я узнаю правду – о том, что случилось, это принесет им покой. И они смогут уйти.

– Ерунда, все вообще не так, – шепчет Джейкоб.

Я резко оборачиваюсь на него.

– Что ты имеешь в виду?

Он открывает рот, чтобы ответить, но тут появляется мальчик. Невысокий, с бледной кожей и копной черных кудрей. Я сразу понимаю, что это именно он, призрак – такое безошибочное чувство, как будто земля кренится к нему, и я вот-вот поеду в его сторону.

Я вижу, как его плащ задевает за канаты и запутывается в них. Мальчику удается высвободиться, он бредет к сцене прямо перед нами, но роняет корону и снова возвращается. На мгновение наши глаза встречаются, и мне кажется, что он видит меня, я хочу заговорить с ним, но Джейкоб, зажав мне рот, энергично мотает головой.

Звучит музыка. Мальчик отворачивается, и я смотрю, как он занимает свое место на сцене.

– Нужно уходить, – шепчет Джейкоб, но я не могу уйти. Пока не могу. Я должна узнать, что же произошло.

И тут раздается какое-то шуршание. Я вижу, что один из крепежных канатов – тот самый, в котором запутался мальчик – отвязался и раскачивается. Мешок с песком мотается, скользит, опускаясь все ниже, падает, а по пути задевает распределительный щиток и выбивает предохранитель.

Вспыхивает искра – всего-навсего искра, такая крохотная, – но у меня на глазах она падает на обрывок бумажной декорации, отброшенный в кулису.

– Ох, только не это! – ахаю я, а спектакль продолжается.

Пламени нет. Его пока не видно. Только тепло и дым. Дым, который невозможно заметить в темном театре. Я поднимаю глаза и смотрю, как тонкая нежная струйка растет, становясь все толще, и собирается под потолком в густое облако. И никто по-прежнему ничего не замечает.

До тех пор, пока, наконец, не вспыхивает огонь.

А на сцене так много горючих материалов: лес, сооруженный из деревянных планок, марли и бумаги. Все это мгновенно воспламеняется и разрушает волшебство спектакля. Ученики-феи разбегаются, зрители в панике. Хоть я и

знаю, что это только воспоминания, эхо того, что случилось давным-давно, но все равно ощущаю, что становится все жарче.

Схватив за руку, Джейкоб тащит меня подальше от бушующего огня.

Несмотря на ужас, мои пальцы продолжают направлять камеру и щелкать, чтобы поймать в кадр хоть что-то. Мир вокруг заволокло дымом. Огонь, крики, ужас…

У меня начинает кружиться голова, как будто я надолго задержала дыхание. Я понимаю, что нахожусь здесь уже довольно долго, что пора удирать, но ноги меня не слушаются.

И тут я вижу того самого темноволосого мальчика. Он старается держаться ближе к полу, как всех нас учат в школе, но огонь распространяется стремительно, поглощая все на своем пути, взлетает вверх по занавесу. Бежать некуда, вся сцена охвачена языками огня, и мальчик опускается на пол и ползет по-пластунски, пока не добирается до люка.

– Не лезь туда! – кричу я, но он меня, конечно, не слышит. Не оборачивается. Поднимает дверцу и забирается внутрь, за миг до того, как большой кусок горящих декораций рушится сверху прямо на дверцу люка.

– Кэссиди, – зовет Джейкоб, но я не могу оторвать глаз от этого зрелища, хотя уже задыхаюсь от дыма.

Джейкоб трясет меня за плечи.

– Нужно идти, – командует он, но я все равно не трогаюсь с места, и тогда он с силой толкает меня вперед. Я чуть не падаю, задев деревянную скамейку. Когда я касаюсь пола, он уже холодный. Пожара нет, погасло и свечение у меня в груди. Рядом со мной на корточках сидит Джейкоб, снова призрачный. Увидев его, я без сил откидываюсь назад.

Иногда, понимаете ли, я застреваю.

Это как страна Неитинебудет в «Питере Пэне» – чем дольше потерянные мальчишки в ней находились, тем больше они забывали свою настоящую жизнь. Чем дольше я нахожусь по ту сторону Вуали, тем труднее вернуться.

Джейкоб скрещивает руки на груди.

– Ну, теперь ты довольна?

Довольна – не совсем подходящее слово. Постукивание все равно продолжается – оно никогда не стихает, – но, по крайней мере, теперь я знаю, что там по другую сторону. Так намного легче не обращать на него внимания.

– Прости, – я поднимаюсь на ноги, отряхиваю с джинсов невидимый пепел. Мне все еще мерещится запах гари и дыма.

– Двадцать первое правило дружбы, – наставительно говорит Джейкоб. – Не бросай друга за Вуалью.

Не успевает он договорить, звенит звонок.

Обеденный перерыв закончился.

Глава третья

Прежде чем продолжить рассказ, я должна вернуться назад.

Понимаете, есть три вещи, которые вы должны знать.

Первое: сколько себя помню, я всегда фотографировала.

Папа говорит, что мир постоянно меняется, каждый день, каждую секунду. В нем меняется все, а это значит, что вы прямо сейчас отличаетесь от того, каким были, когда начинали читать это предложение. С ума можно сойти, правда? И наши воспоминания тоже изменяются. (Например, я могу поклясться, что

плюшевый мишка, с которым я росла, был зеленого цвета, но родители уверяют, что он был оранжевым.) Но, когда вы делаете снимок, вещи застывают. Какими они были, такими и остаются, такими будут всегда.

Вот почему я люблю фотографировать.

Второе: у меня день рождения в конце марта, прямо там, где встречаются два времени года. Когда солнце уже теплое, но ветер еще холодный, а деревья начинают цвести, хотя земля еще не прогрелась. Мама любит говорить, что я родилась, стоя одной ногой в зиме, а другой – в весне. Потому-то я такая непоседливая, мне не сидится на месте, а еще (тоже по мнению мамы) из-за этого я постоянно влипаю в неприятности.

Третье: мы живем в пригороде, среди полей и холмов (и множества привидений), и деревьев, меняющих цвет, и рек, замерзающих на зиму, и великолепных пейзажей.

Кажется, что фотографии, время и место не связаны между собой, но все это важно, вот увидите. Как нити, из которых сплетена ткань.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, мама и папа подарили мне фотоаппарат, уже знакомый вам – старый, на фиолетовом ремне, со старомодной вспышкой и диафрагмой, которую надо крутить самому. Все ребята в нашей школе снимают на мобильники – но мне хотелось что-то солидное, настоящее. Я влюбилась в свою камеру с первого взгляда и сразу же поняла, куда хочу пойти и что сфотографировать.

Есть в нескольких милях от нашего дома такое место, расщелина между холмами, и вечером на закате солнце садится прямо туда, закатывается между двумя склонами, будто кто-то держит в ладонях мяч. Я там бывала десятки раз, и это всегда выглядело по-разному. Вот я и придумала – ездить туда целый год, ежедневно, чтобы поймать и снять на пленку каждый закат.

А начать решила прямо сразу.

Помните, я говорила, что день рождения у меня в марте? Так вот, в прошлом году это был первый теплый день – в смысле, теплый для того, чтобы кататься на велосипеде. Правда, воздух еще был холодным – мороз пощипывал, как

говорит мама. Так что я повесила себе на шею фиолетовый ремень и наперегонки с солнцем отправилась на велике к тем холмам. Шины шуршали по полузамерзшей земле, по улицам, мимо футбольного поля и к мосту.

Мост. Неширокая полоса из металла и дерева, перекинутая над водой. Из тех мостов, по которым приходится ехать по очереди, потому что двум машинам там не разъехаться. Я была уже на середине, когда из-за поворота вылетел грузовик и понесся прямо на меня.

Я попыталась увернуться, водитель грузовик тоже вильнул в сторону так резко, что шины завизжали – а мой велик с такой силой врезался в перила, что выбил искры. С такой силой, что я вылетела из седла.

Через перила.

Я упала. Звучит нестрашно, правда? Как будто споткнулась, плюхнулась на землю, ободрала коленку. Но я летела вниз двадцать футов, прямо в воду, еще пару дней назад покрытую льдом. И когда я оказалась под водой, сила удара и холод вышибли у меня из легких весь воздух.

В глазах сначала вспыхнуло, потом все потемнело. Придя в себя, я поняла, что тону. Камера на шее свинцовым грузом тянула вниз, вниз, вниз. В воде было темно, вверху на поверхности виднелась серебристая рябь. Где-то – не в воде – я вроде бы увидела кого-то, неясный силуэт человека, тень. Но тень тут же исчезла, а я продолжала тонуть.

О смерти я не думала.

Я вообще ни о чем не думала, кроме ледяной воды в легких, каменной тяжести реки над головой, но даже и это начало меркнуть, и осталась одна мысль: я все дальше ухожу от света. Говорят же, что надо пробиваться к свету, я даже пыталась, но не могла. Руки и ноги будто свинцом налились. И воздуха не хватало.

Не помню, что было дальше. Нет, что-то помню, но смутно.

Мир словно замер, как в кино, когда движение на экране то замедляется, то совсем замирает, то перескакивает вперед. А потом я уже сидела на берегу, судорожно хватая воздух ртом. Рядом сидел мальчик, в джинсах и футболке с супергероем, со светлыми волосами, стоящими торчком, как будто он только что запустил в них пятерню и взъерошил.

– Еще бы чуть-чуть, и все, – сказал он.

Тогда я еще ничего не понимала.

– Что случилось? – спросила я, стуча зубами.

– Ты свалилась в воду, – ответил мальчик. – А я тебя вытащил.

Что за чушь, подумала я – на мне нитки сухой не было, а он даже не намок. Возможно, если бы меня так не трясло, если бы так не болели глаза от речной воды, а голова бы не была тяжелой, как ледяная глыба, я бы и заметила его необычную, сероватую бледность. И то, что я почти, почти, почти могла видеть сквозь него. Но я слишком устала и слишком замерзла.

– Я Джейкоб, – представился мальчишка.

– Кэссиди, – ответила я, повалившись на землю.

– Эй, – он встревоженно склонился надо мной, – не засыпай…

Я услышала другие голоса, потом захлопали дверцы машины, по откосу затопали башмаки. Меня окутало теплом чьей-то куртки, но глаза закрывались сами собой. Проснулась я на больничной койке, рядом были мама и папа, и руки у них были такими же теплыми, как и у меня.

Был здесь и Джейкоб – он сидел с ногами на незанятом стуле (я довольно быстро поняла, что никто кроме меня его не видит). Рядом на тумбочке лежала моя камера. Фиолетовый ремень был ободранным, а видоискатель треснул. Она была повреждена, но не погублена, изменилась, но осталась в живых. Примерно, как я сама.

Чуть-чуть особенная.

Немного странная.

Не вполне живая, но уж точно не…

В смысле, может ли человек называться мертвым, если в конце концов он не умер? Живы ли те, кто возвращается оттуда?

Скажете, подходящее название – ходячий мертвец? Но дело в том, что я никакой не зомби. Сердце бьется громко и ровно, я ем и сплю, и вообще делаю все, что положено живым.

Побывала на волосок от смерти. Так это называют. Но я знаю, что была не просто рядом со смертью.

Я побывала прямо там. Внутри. Достаточно долго, чтобы глаза привыкли, как в темной комнате. Достаточно долго, чтобы обследовать то пространство, прежде чем меня потянули обратно, к яркому, холодному свету.

В конце концов, думаю, что мама права.

Одной ногой я стою в зиме, другой – в весне.

Одной ногой я там, где живые, а другой – там, где мертвые.

А еще через неделю я обнаружила Вуаль.

Мы с Джейкобом отправились погулять, чтобы все обсудить и поразмыслить о нашей странной связи. Говорю же, я прежде никогда не имела дела с привидениями, и с ним ничего подобного не случалось. И тут это произошло.

Мы срезали угол через пустырь, и вдруг я почувствовала это: тук-тук-тук, будто кто-то пристально на меня смотрит, щекочущее чувство, как от прикосновения паутины к голой коже. Краем глаза я заметила серую ткань. Надо было

отвернуться, но я не смогла. Вместо этого я стала поворачиваться к ней. Я схватила завесу рукой, и мне показалось, что я снова лечу с моста и врезаюсь в воду. Но я не отпустила ткань.

А когда пришла в себя, рядом сидел Джейкоб, только он выглядел плотным, материальным и был так же огорошен, как я сама. Пустырь вокруг нас исчез. Мы стояли внутри складского помещения, от стен эхом отдавались металлические позвякивания и удары, а где-то плакал какой-то человек. Сама Вуаль меня не испугала, зато до ужаса испугал этот звук, ощущение вторжения в чью-то жизнь – или смерть. Я поспешила освободиться от этого места, брезгливо отбросив от себя Вуаль, как будто это и правда была прилипшая к одежде паутина.

Я поклялась, что никогда туда не вернусь.

И была уверена, что говорю правду.

Но недели через две я это снова почувствовала – тук-тук-тук, серую завесу, мазнувшую меня – и не успела ничего сообразить, как уже ловила ее, отдергивала, а Джейкоб дулся и ворчал, но пошел следом за мной, хоть и неохотно.

С тех пор прошел год.

Для большинства обычных людей жизнь и смерть – противоположности, как черное и белое. Но в тот день, когда Джейкоб вытащил меня из воды, со мной что-то случилось. Думаю, что и я тоже откуда-то его выдернула, и теперь мы связаны. С тех пор я не вполне живая, а он не вполне мертвый.

Если бы мы были героями комикса, это было бы историей нашего происхождения.

Кого-то кусает паук, а кто-то падает в чан с кислотой.

У нас была река.

Глава четвертая

–

а, и еще обязательно «Бэтгерл», – говорит Джейкоб, – переиздание, а не оригинал…

– Обязательно, – нога за ногу, шаркая кроссовками, мы возвращаемся домой. Двое, но только одна тень на тротуаре. Мы обсуждаем, какие комиксы мне нужно приготовить для Джейкоба на время наших каникул.

– И не забудь про «Череп и Кость», – добавляет Джейкоб.

«Череп и Кость» – любимый комикс Джейкоба. В нем погибшего ковбоя по имени Стрелок по черепам воскрешают для того, чтобы он сражался с восставшими духами. Ему помогает верный пес, волкодав Кость.

Джейкоб продолжает перечислять и выбирать, пытается решить, что предпочесть: 31-й выпуск «Тора» или 5-й выпуск «Черепа», но я слушаю его вполуха. Другие мысли не дают мне покоя.

Там, в актовом зале, я сперва думала, что могу помочь мальчику-привидению, если увижу, что с ним случилось. Но тогда Джейкоб сказал, что все это вообще не так. Раньше Джейкоб ничего подобного не говорил, он вообще никогда ничего не рассказывал о Вуали. Я думала, что он и сам не знает, почему меня так тянет туда. И о том, как мне удается туда попадать. Но что, если он все-таки знает, но только не говорит мне?

Сейчас он слышит все мои мысли, вопросы, сомнения.

– Правило номер семь, – говорит он. – Не суй нос в чужие дела.

Ну да, конечно, думаю я. Но первое-то правило дружбы гласит: у друзей нет секретов друг от друга.

Джейкоб вздыхает.

– Я не могу все тебе рассказать, Кэсс. У нас… – он взмахивает рукой, – есть свои правила.

– И что это за правила? – не отстаю я.

– Правила как правила! – огрызается Джейкоб, краснея. Мне неприятно видеть друга огорченным, и я замолкаю. Ну, то есть, я не могу совсем перестать думать об этом – очень громко, к тому же, – но Джейкоб притворяется, что не слышит, а я больше не задаю вопросов вслух.

– Хочешь, бери не пять, а шесть комиксов, – говорю я вместо этого.

Он надувает губы, но мне почему-то кажется, что это не всерьез. Мне очень нравится отходчивость Джейкоба: если он и разозлится, то ненадолго. Все плохое мигом забывается.

– Ладно, семь, – говорю я, когда мы добираемся до моей улицы. – Но окончательный список должна одобрить я. И никакого «Бэтмена».

Он глядит на меня с напускным ужасом.

– Для тебя нет ничего святого!

Я поднимаю фотоаппарат и гляжу на счетчик кадров – интересно, получится ли хоть что-нибудь из того, что я нащелкала сегодня за Вуалью? Замечаю, что остался один последний кадр.

– Улыбнись, – я навожу камеру на Джейкоба, а он успевает вскинуть руку в победном жесте. Но, пока я снимаю, он не смотрит в объектив. Он никогда в него не смотрит.

– Ты разве не слышала? – шутит он обычно. – Фотографии крадут душу. Да и вообще, не люблю я высовываться.

Щелк.

Мы идем дальше. Вот уже и мой дом показался – старый викторианский дом, так и кажется, что в нем должны быть привидения.

(Их там нет.)

(Не считая Джейкоба.)

(А он не в счет.)

– Это грубо, – бурчит он, идя за мной по пятам.

Я снимаю кроссовки и бросаю их у входа, рядом со стопкой книг. Кабинет тоже набит книгами под завязку, и в коридоре их полно. В основном это научные труды – история, религия, мифология, этнография, – но есть и романы. А еще книги с именами моих родителей на обложках и названием серебряными или золотыми буквами:

ОККУЛЬТУРОЛОГИ

Это, понимаете ли, игра слов, потому что культуролог – это человек, который изучает и исследует разные явления культуры, а слово оккультный указывает на явления, связанные с потусторонним миром.

Мои родители написали целую серию книг, сейчас они заканчивают шестой том. Их книги похожи на исторические, только в них вплетены рассказы о привидениях, перемешаны правда и мифы. Представьте, они довольно популярны у читателей. Я останавливаюсь, беру в руки одно из последних изданий, смотрю на фотографию на задней стороне обложки. На ней худощавый мужчина в твидовом пиджаке, темные волосы начали седеть на висках (это папа). Под мышкой у него большая тетрадь, на носу очки. Рядом с ним женщина в светлых брюках и цветастой блузке. Ее буйные темные кудри собраны в довольно-таки неряшливый пучок, сколотый авторучками вместо шпилек. В руках у нее открытая книга, с разлетающимися, как от ветра, страницами (это мама).

А в ногах у них свернулся шар черного меха с зелеными глазами. Это наш котик, Мрак.

Общее впечатление: то ли история, то ли магия, плюс небольшая доля старых добрых суеверий.

Забавно, что папа вообще не верит в существование привидений (но издателю как раз нравится, что папа такой скептик, потому что благодаря этому рассказанные истории кажутся читателям более «реалистичными» и «понятными»). Словом, мои родители – отличная, сплоченная команда: папа ученый, а мама мечтательница. Он пишет о прошлом, а она раскручивает истории с привидениями, опираясь на всевозможные а вдруг и что, если.

А я? Я держусь от этого в стороне.

Потому что родители не знают обо мне всей правды. Я так и не рассказала им, что действительно случилось со мной в реке. Не рассказала ни о Вуали, ни о том, что вижу по другую сторону. Мне кажется, что я должна сохранить это в тайне.

Вот и получилось, что мои родители рассуждают и пишут о призраках, хотя и не видят их.

А я вижу призраков, но не хочу рассуждать или писать о них.

Кажется, это называется парадоксом.

– Эй! – зову я. – Есть кто-нибудь?

Из глубины коридора доносится мамин голос – она у себя в кабинете, разговаривает по телефону. По тому, как она говорит, нетрудно догадаться, что у нее берут интервью.

– Считаю ли я, что в мире много непонятного и непостижимого? – повторяет мама. – Конечно. Было бы крайне самонадеянно утверждать обратное…

Мама выглядывает из дверей (ее пучок, как всегда, напоминает дикобраза, столько в нем ручек) и с улыбкой машет мне, а сама продолжает разговор:

– Духи, привидения, призраки, фантомы, называйте их как хотите…

Одной рукой она обнимает меня, не переставая тараторить.

– Конечно, кое-что наука может объяснить, но когда разные люди наблюдают одни и те же сверхъестественные явления, видят одно и то же привидение, рассказывают почти об одном и том же, мы должны задаться вопросом: в чем причина?

Мама прикрывает трубку рукой.

– Папа уже едет домой, – шепчет она мне в волосы. – Не уходи далеко. Нам нужно поговорить.

Нам нужно поговорить.

Три слова, от которых сразу становится не по себе, и я бы не прочь услышать объяснение, но мама уже отвернулась.

– О да, – это она говорит уже интервьюеру. – Я действительно ощущала присутствие призраков.

Вполне вероятно.

– Я их видела.

Джейкоб машет рукой у нее перед глазами.

Менее вероятно.

Что самое странное, мама вроде как знает о Джейкобе. Потому что, когда постоянно болтаешь с невидимым лучшим другом, рано или поздно наступает момент, когда приходиться объяснять, кто твой собеседник.

Но я не знаю, верит ли мама в потусторонние силы и все такое, или только хочет в них верить, потому что с ними мир становится интереснее. Она говорит, что у нее на самом деле были какие-то сверхъестественные переживания и что у нас наследственная «чувствительность» к паранормальным явлениям. Еще она говорит, что когда дело касается странного и необъяснимого, важно сохранять

непредубежденность.

Но я точно знаю, что мама не смотрит на меня свысока, как папа, когда речь заходит о Джейкобе. Она не говорит о нем, как о воображаемом друге, и не подкалывает, спрашивая с явной насмешкой, как он себя сегодня чувствует или что он хочет на ужин.

Если Джейкоб хочет что-то ей сказать через меня, она слушает.

При мысли о пропущенном обеде у меня бурчит в животе, и я пробегаю мимо маминого кабинета на кухню и делаю себе АМ + Б + ШЧ, то есть, арахисовое масло, банан и шоколадные чипсы, то есть, самый вкусный в мир сэндвич, что бы там ни говорил Джейкоб. (Думаю, ему просто завидно, что он не может попробовать.) Половину сэндвича я сразу запихиваю в рот, вторую убираю в холодильник на потом и стрелой несусь к себе наверх.

У меня на кровати спит Мрак, наш котик.

В реальной жизни он не очень похож на свой портрет в книге. У Мрака совершенно отсутствует то, что мама называет природным кошачьим достоинством. Вот сейчас, к примеру, он лежит кверху брюхом, раскинув лапы, как делают собаки по команде «умри». Когда я с грохотом швыряю на пол рюкзак, кот даже не вздрагивает. Я чешу его за ушком – надо же проверить, жив ли он – и ныряю в каморку, которая раньше была моим шкафом.

Переделать ее мне помог папа. Как-то мы с ним потратили выходные, вытаскивая оттуда полки, и превратили тесный закуток в отличную фотолабораторию. Там есть стол с бобинами для пленки, проявочный бачок, увеличитель, фотобумага и кюветы для химических растворов. И даже натянут стальной трос с прищепками, для просушки отпечатков. Все, что нужно фотографу.

Джейкоб уже поджидает меня – он не тратит времени на такие штуки, как двери и лестницы.

Пожав плечами, он прислоняется к стене.

– Есть свои плюсы в том, что ты призрак. Ходить кратчайшим путем.

Я снимаю с плеча фотоаппарат, прокручиваю пленку, потом открываю заднюю крышку и вынимаю кассету.

А потом закрываю дверь, и бывший шкаф – вместе с нами – погружается в полную тьму.

Хм, тьма была бы полной, если бы Джейкоб немного не… сиял. Свечение не слишком яркое, больше всего напоминает лунный свет. Пленка от него не засвечивается, да и я мало что могу рассмотреть, поэтому больше доверяю свои рукам и действую на ощупь.

Я вскрываю кассету и извлекаю пленку. Накручиваю ее на маленькую металлическую шпульку и опускаю в проявочный бачок – он похож на коротенький термос.

Теперь можно щелкнуть выключателем – и в лаборатории вспыхивает тусклый красный свет. Теперь на нас обоих зловещие багровые отблески, как будто мы персонажи ужастика. Джейкоб размахивает скрюченными пальцами и издает леденящие душу звуки.

Я наливаю воды, чтобы промыть пленку в термосе, потом проявитель. Встряхиваю контейнер. Пока я всем этим занимаюсь, Джейкоб рассуждает вслух, какой выпуск «Тора» лучше взять с собой на каникулы: 57-й или 62-й. Наконец, негативы готовы, и я вешаю пленку сушиться. Пройдет несколько дней, прежде чем с нее можно будет печатать.

Тем временем я выбираю другую пленку – ту, которая уже готова. На ней еще одна наша с Джейкобом недавняя экскурсия: в дом с привидениями в паре кварталов отсюда. В том доме уже много лет никто не живет, но, как мы с Джейкобом обнаружили, совсем пустым его не назовешь. Я заправляю пленку в увеличитель (что-то вроде проектора, который нужен, чтобы перевести изображение на фотобумагу). Можно приступать к печати.

В проявке пленки есть какая-то магия. Она заключена в самом этом слове проявлять – делать видимым. Чувствуя себя немного сумасшедшим ученым, я перекладываю бумагу в разные кюветы с растворами – проявитель, закрепитель,

промывка. И, держа бумагу щипцами, смотрю, как на поверхности возникает, наконец, изображение.

Фотоаппарат у меня, конечно, необычный, но он не такой странный, как я сама. Я могу проносить его с собой за Вуаль, но он не видит того, что вижу я. По большей части на снимках все, как в обычной жизни: черно-белое воплощение моего разноцветного мира.

Но время от времени мне все-таки везет.

Время от времени камера ловит тень у стены, или линии, похожие на струйки дыма вокруг чьей-то фигуры, или дверь, ведущую в какое-то место, которого давно уже нет.

Джейкоб заглядывает мне через плечо.

– Не сопи мне в ухо, – шепчу я.

– И не думал.

– Ага, рассказывай.

У него холодное дыхание, как ледяной ветерок в тесной комнатке, но я уже переключилась на кюветы.

Одна за другой проявляются фотографии.

Вот снимок дома с привидениями, сделанный с улицы. Блики солнечного света на покоробившихся досках.

А это уже внутри – дверь, ведущая в темный холл.

А дальше…

Победа.

Эту фотографию я сделала по ту сторону Вуали, что доказывает слабый сероватый отблеск. И там, на верхней ступеньке лестницы, смазанное изображение призрачной девочки в ночной рубашке.

Джейкоб тихонько присвистывает.

Покажи я кому-нибудь этот кадр, наверняка сказали бы, что это «Фотошоп». Но даже если бы мне поверили, я все равно не собираюсь никому рассказывать о своих находках. Не хочу быть, как эти экстрасенсы с телевидения, которые вертятся перед камерой и делают вид, будто общаются с мертвецами. А на самом деле… со мной, например, мертвые не говорят. Не считая, конечно, Джейкоба.

– Я могу стать твоим переводчиком, – предлагает он.

Я фыркаю.

– Нет уж, спасибо.

Глядя на сегодняшние свежие негативы, я гадаю, увижу ли на ней призрачного мальчика в плаще и короне, на фоне занавеса.

Я так долго просидела, скрючившись над столом, что все тело затекло. Я выключаю красную лампочку и выхожу из шкафа в комнату, щурясь и моргая от яркого света.

Джейкоб падает на кровать рядом с Мраком. Никакого удара, разумеется, и на покрывале ни складочки, но Мрак подергивает ухом, а через секунду пытается поймать Джейкоба, хватая лапами воздух. Мы никак не можем выяснить, видит его Мрак по-настоящему или просто чувствует что-то неясное в воздухе.

Кошки – таинственные существа.

Решив не терять времени, я приступаю к сборам. Вытаскиваю из-под кровати чемодан. Пока я роюсь в своей летней одежде, Джейкоб притворяется, что нашел пятнышко на футболке, и пытается его отчистить. Представить не могу, чтобы мне пришлось ходить в одном и том же до конца жи… хм, существования.

Джейкоб пожимает плечами.

– Мне еще повезло, что в тот день мне пришло в голову надеть майку с Капитаном Америкой.

В тот день. Что случилось с ним в тот день? Не знаю, расскажет ли он мне когда-нибудь об этом.

На эту мысль Джейкоб ничего не отвечает. Просто переворачивается на живот и принимается читать комикс, оставленный мной на кровати.

Несколько секунд он тратит на то, чтобы усилием воли перевернуть страницу, пока я не подхожу и не переворачиваю ее сама.

– Не самый удачный день, – бормочет Джейкоб.

Слышно, как внизу открывается и захлопывается дверь. Через несколько секунд раздается папин голос.

– Семейный совет!

Глава пятая

Семейный совет.

Это такие же слова, как «нам нужно поговорить» – от них ничего хорошего не жди.

На столе – паста-пицца, еще один плохой знак. Паста-пицца, иначе известная, как спагетти с морепродуктами, мясными фрикадельками и сыром на горячем чесночном хлебе – моя любимейшая еда. Мама с папой заказывают ее в соседнем ресторанчике только по торжественным датам или когда случается что-то очень важное. Сейчас ее появление совсем сбило меня с толку. Лучше бы было так: для хороших новостей одна еда, для плохих – другая, чтобы понимать, что тебя

ждет.

Мама достает тарелки, а папа накрывает на стол, они что-то бурно обсуждают, но понятнее не становится.

– …уф, я дала интервью для Пятого канала…

– И как все прошло?

– Отлично, отлично… Ты распечатал наш контракт?

Джейкоб подпрыгивает, садится на высокий кухонный стол, болтает ногами, бесшумно колотя пятками по тумбе с ящиками. Я кладу себе большую порцию пиццы. Джейкоб рассматривает смесь сыра, фрикаделек и соуса.

– Фу, гадость какая.

Ты хотел сказать прелесть, думаю я, отправляя в рот большой кусок.

Сыр обжигает мне нёбо, а мама щелкает пальцами – молчаливое замечание за то, что начала есть, не дождавшись, когда все сядут за стол. Папа одной рукой обнимает меня за плечи. От него пахнет свежевыстиранной рубашкой и старыми книгами.

Наконец все за столом, но я замечаю еще один сигнал опасности: мама с папой не едят. И даже не делают вид, будто едят. Я тоже невольно опускаю вилку.

– Ну, – я стараюсь, чтобы голос звучал, как обычно, – что случилось?

Мама вытаскивает из пучка фиолетовую ручку и втыкает обратно.

– О, ничего особенного, – отзывается она. Папа бросает на нее убийственный взгляд, как на предательницу.

– Кэссиди… – начинает он, называя меня полным именем. – У нас есть кое-какие новости.

Боже, думаю я, скоро я стану старшей сестрой.

Джейкоб морщится, изображая отвращение, а я так поглощена переживаниями по поводу новости, что следующие папины слова застают меня врасплох.

– У нас будет телевизионное шоу.

Я тупо хлопаю глазами.

– Помнишь, когда вышли первые «Оккультурологи», – вступает в разговор мама, – книгой очень заинтересовалась пресса? И уже тогда многие говорили, что из этого может получиться хорошая телепередача? Тогда одна компания купила права…

– Ага, – медленно тяну я. – Но еще я помню, как вы говорили, что ничего из этого не выйдет.

Мама беспокойно вертится на стуле.

Папа потирает шею.

– Ну да, – просто говорит он. – Но за последние недели кое-что сдвинулось с мертвой точки. Мы не хотели говорить тебе заранее, на случай, если все сорвется, но… – и он оглядывается на маму за помощью.

Она подхватывает, ослепительно улыбаясь.

– Все действительно состоится!

Я в растерянности. Не представляю, что это значит для них, для нас, для меня…

– Ладно, – я говорю неуверенно, пытаясь сообразить, в чем подвох. В смысле, это отличная новость, но я не понимаю, почему они оба так нервничают. – Здорово! И кто вас будет играть?

Папа хмыкает.

– Никто. В том-то и дело, что мы будем сами себя играть.

Я хмурюсь.

– Не понимаю.

– Это будет не шоу с актерами, – поясняет папа. – Скорее что-то вроде репортажа, документального кино.

Мама больше не в силах скрывать восторг.

– Все будет точно, как в книгах, твой папа с фактами и я с легендами, – тараторит она как пулемет. – Каждая серия будет посвящена новому городу, разным местам, достопримечательностям и историям…

У меня голова идет кругом, я пробую разобраться, радует это меня или пугает – а может, и то и другое понемножку. В голову ничего не приходит, кроме бесконечных телевизионных шоу про призраков. Ну, знаете, где люди сидят в темных комнатах, освещенных только аппаратами ночного видения, и таинственно что-то шепчут в микрофон. Это что же, шоу моих родителей будет в таком же роде?

– Ты в кадре появляться не должна, – говорит мама, – если только сама не захочешь! Но ты будешь с нами все время, всю поездку. А на побережье съездим в другой раз…

– Подождите, как это? – Я трясу головой, мои летние планы рассыпаются, как карточный домик. – Когда все начинается?

Папа хмурит брови.

– В том-то и дело, все завертелось очень быстро. Они хотят, чтобы на первой точке мы были уже на следующей неделе.

На следующей неделе. Как раз тогда, когда мы должны были валяться на пляже.

– Хм. И правда, быстро. – Я очень стараюсь, чтобы родители не заметили паники в моем голосе. – А куда мы едем?

– По всему миру! – Мама достает толстую папку, на обложке надпись: «Оккультурологи». – «Самые известные в мире города с привидениями». Вот какая тема у этого шоу.

Мир, думаю я, это очень большое место.

– Меня больше волнует часть про города с привидениями, – замечает Джейкоб.

Даже странно: он призрак, но не любит страшилки, зачарованные места и все, что связано с Вуалью.

Довольно долго я не понимала, в чем причина. Много думала, но не хотела спрашивать. А потом, в один прекрасный день, Джейкоб, видимо, устал от моих мыслей, потому что пришел и все объяснил.

– Там… холодно, – сказал он. – Представь, что попала под снегопад, но сначала тебе тепло и дрожь начинает бить не сразу. Сначала из тебя должно уйти все тепло. А я чувствую себя так, как будто только что зашел в дом, и не хочу опять оказаться там, на морозе. Страшно, что тогда мне уже больше никогда не согреться.

Мне бы так хотелось взять его за руку и сжать ее.

Передать частичку своего тепла.

Но все, что я могу – это пообещать, что никогда не дам ему замерзнуть.

Что никогда не брошу его.

Куда ты, туда и я, думаю я.

– Ну что, Кэсс? – спрашивает папа, и его очки вспыхивают бликами, как будто он мне подмигивает.

Плакало мое лето без привидений.

– Что ты об этом думаешь? – настаивает мама.

Это не очень честный вопрос. Совсем не честный. Родители любят его задавать, когда все уже решено и выбирать особо не приходится. Я думаю, что все это звучит безумно и страшно. Я думаю, что предпочла бы отправиться в домик на побережье.

Но у мамы и папы такой радостный вид, что я не хочу все портить. К тому же – я кошусь на Джейкоба, – это может оказаться интересно.

Он рычит.

Мама открывает папку, и мой взгляд падает на первую страницу.

ОККУЛЬТУРОЛОГИ

ПЕРВАЯ СЕРИЯ

Место действия: Эдинбург, Шотландия

Что мне известно о Шотландии? Она на севере Англии, а нас от нее отделяет океан. Там носят килты, и… вроде, все.

Продолжаю читать и вижу название серии:

ГОРОД ПРИЗРАКОВ

– Звучит не слишком зловеще, ага, – язвит Джейкоб, а я вздрагиваю от волнения и предвкушения.

Я думала, что жизнь у меня очень необычная.

Чувствую, она становится еще необычней.

Часть вторая

Город призраков

Глава шестая

– Кэссиди! Такси ждет!

Я запихиваю в чемодан последние вещи и сажусь сверху на крышку, чтобы заставить ее закрыться. Я-то думала, что буду собирать вещи для пляжа – купальники, шортики, крем от загара – для безмятежного лета без призраков. Вместо этого я утрамбовываю в чемодан свитера и ботинки. Если верить приложению в моем телефоне, шотландское лето – это синоним холода и дождя, да еще и с градом.

На краю кровати сидит Джейкоб, в неизменных джинсах и футболке: призракам не нужны дождевики.

– Комиксы не забыла? – беспокоится он.

– Они у меня в рюкзаке.

– А найдется там место еще для парочки, а то я подумал, мы не захватили ни одного выпуска «Правосудия»…

– Нет, – бросаю я, уже не в первый раз проверяя, достаточно ли пленки в футляре для камеры.

В дверях показывается папа, с чемоданом в одной руке и кошачьей переноской в другой. Из глубины клетки на меня сердито смотрит Мрак.

– С кем ты тут разговариваешь? – интересуется папа.

– Да так, с Джейкобом, – отвечаю я.

Папа смотрит по сторонам с таким видом, что сразу видно – он хочет меня посмешить.

– А Джейкоб уже готов к отъезду?

– Ответ отрицательный, – отзывается с кровати Джейкоб. – Я считаю, что все это плохая затея.

– О да, – мстительно заявляю я. – Он умирает от желания посмотреть на все эти дома с привидениями, пещеры с привидениями и замки с привидениями.

Джейкоб мрачнеет.

– Предательница.

– Я рад, – жизнерадостно восклицает папа. – Не могу обещать, что там будут призраки, зато какая там история!

Мрак возмущенно шипит.

Я закрываю молнию на чемодане и с бум-бум-бум на каждой ступеньке тащу его вниз. На улице я оглядываюсь на дом и вижу, как папа запирает входную дверь. Внутри у меня настоящий комок нервов.

– Он никуда не денется и будет ждать нашего возвращения, – говорит мама, по лицу догадавшись о том, что я чувствую. – Это просто смена декораций, свежий сюжет, новая глава. Нам предстоит написать целую книгу, – продолжает она, обхватив меня за плечи. – А как мы пишем?

– Понемногу, по страничке, – машинально отвечаю я.

Это мамина любимая присказка. Со дня своего падения в реку я все время цепляюсь за нее, как за веревку. Каждый раз, как я чего-то пугаюсь или нервничаю, я напоминаю себе, что ни одна хорошая история не может обойтись без крутых поворотов и завихрений. А любой героине полагаются приключения.

И вот мы усаживаемся в такси – родители, девчонка, привидение и разозленный кот – и направляемся в аэропорт.

В дороге мама и папа обсуждают расписание. Телевизионщики наняли местную съемочную группу и гида, и у нас есть неделя, чтобы снять все, что мы хотим. Папа сжимает папку с историческими сведениями о разных местах, а у мамы в руках тетрадка с каракулями, прочитать которые не может никто, кроме нее самой. Чем больше я слушаю, как они обсуждают и планируют, тем яснее понимаю, что это шоу рассчитано на несколько месяцев, даже если все пойдет гладко.

Ничего не случается раньше, чем случится, а потом – раз, и уже случилось. Это одна из папиных присказок.

Такси доставляет нас в аэропорт. Но высаживаются из машины уже не родители, девчонка, привидение и разозленный кот…

Потому что Джейкоб исчез.

Иногда он такое проделывает. Пропадает, улетучивается. И я не знаю, то ли он дуется, то ли просто пошел кратчайшим путем. Первый раз он пропал в поездке на восточное побережье, куда мы отправились в поисках маяков с привидениями для последней книги моих родителей. Только что был здесь, а в следующий миг бесследно исчез. Я тогда страшно перепугалась, решила, что он как-то привязан к нашей реке, что его держат какие-то невидимые узы, не давая отъехать больше, чем на десять или двадцать миль.

Но когда мы добрались до первого маяка, Джейкоб был там и ждал нас, сидя на ступеньках.

– Ну и что? – оправдывался он. – Меня в машине укачивает!

Типичный ответ Джейкоба.

Хотела бы я знать, куда он девается и что делает без меня. Мне интересно, нужен ли призракам сон, приходится ли ему возвращаться за Вуаль для подзарядки, или он просто вредничает.

Мы с родителями регистрируем багаж, проходим таможенный контроль и ждем посадки, а от Джейкоба по-прежнему ни слуху, ни духу. Я сажусь у окна, смотрю, как стремительно уходит вниз земля, и даже хочу, чтобы он остался дома.

– Дамы и господа, обратите внимание на сигнал «Пристегните ремни»…

Я открываю глаза и прижимаюсь лбом к иллюминатору. Солнце как раз выныривает откуда-то снизу. Трудно представить, что там под нами настоящий океан. По другую его сторону меня ждет новый незнакомый мир. Мир, полный тайн и секретов… и привидений.

Самое прикольное, что на этой высоте, в тридцати пяти тысячах футов над землей, сидя в металлической птице, я не чувствую Вуаль. Другая сторона ничего не нашептывает и не теребит меня за плечо, и поэтому кажется, что мне не хватает части себя. Я как Питер Пэн, разлученный с собственной тенью.

То, что рядом нет Джейкоба, положение не улучшает.

Я уговариваю себя не волноваться. Рано или поздно он всегда появляется.

Самолет начинает трястись – не сильно, это называется зона турбулентности, и Мрак с тревогой смотрит на меня из переноски, которая стоит под сиденьем передо мной. Он не издает ни звука, но прищуривает зеленые глазищи с таким видом, как будто в его временном заключении виновата лично я.

Папа задремал, но мама не спит, штудирует книгу под названием «Духи, Призраки, Шотландия». На вид какая-то дешевка – на обложке замок под полной луной и щупальца тумана, которые ползут к привидениям, небрежно обработанным на компьютере. Но я сама не замечаю, как увлекаюсь и, заглядывая через мамино плечо, начинаю читать раздел про Эдинбург.

Этому городу (не забыть бы, что произносится «Эдин-бург», а не «Эдин-берг») больше девятисот лет! В книге есть карта, а на ней отмечены парки и мосты, церкви и даже замок. Но город не такой большой, как я ожидала, всего несколько миль из конца в конец, он разделен на Старый Город и Новый Город.

– Новый Город, конечно, относительно новый, – поясняет мама, заметив, что я читаю. – Ему тоже больше двухсот лет. Но лучшие привидения, – добавляет она восхищенно, – все в Старом Городе.

– А где мы будем жить? – беспокоюсь я. И почти сразу догадываюсь, каким будет ответ – еще до того, как мамин палец опускается на карту прямо посреди Старого Города.

Превосходно. Я представляю, как это говорит Джейкоб, и откидываюсь на спинку кресла.

Смотрю в окно, как дневной свет заливает небо. Я вспоминаю о Джейкобе и снова начинаю волноваться – вдруг привидения не могут преодолеть водную преграду. Самолет начинает снижаться, а у меня на сердце тревога. К тому времени, как самолет садится, я уже в панике.

На выходе Джейкоба нет.

Нет его и в терминале.

И на эскалаторе, и в зоне получения багажа.

Но, когда багаж начинает выезжать по ленте транспортера, первое, что я вижу – это не красные и желтые полоски моего чемодана (да, я за Гриффиндор), а мальчика, сидящего на нем по-турецки. У Джейкоба слабость к эффектным появлениям.

Я вздыхаю с облегчением. Соскочив с транспортера, Джейкоб сует руки в карманы и хитро улыбается.

– Вот они, плюсы быть призраком, – весело говорит он, а я не могу решить, чего хочу больше: обнять друга или пихнуть кулаком в плечо. На его счастье, я не

могу сделать ни того, ни другого.

Мы усаживаемся в черное такси. Мрак улегся на дно переноски и косится оттуда на Джейкоба, а тот строит рожицы маме, пока она называет водителю адрес гостиницы.

Несколько минут мы едем по самым обычным улицам с магазинами, парикмахерскими и банками. Потом, совершенно неожиданно, асфальт под колесами сменяется булыжной мостовой – мы как будто совершили путешествие во времени. Машина трясется на неровной дороге. У Мрака кровожадный вид, а Джейкоба того и гляди стошнит.

Таксист что-то говорит, но произношение у него настолько непривычное, что я не сразу понимаю, что он обращается к нам, а просто не напевает что-то себе под нос. Папа кивает, притворяясь, будто понимает его. Но мне и в самом деле удается разобрать отдельные слова в потоке певучей речи водителя. Он задал нам вопрос.

– Что же привело вас сюда, в милую Шотландию?

Мама, кажется, тоже его поняла, она отвечает:

– Привидения.

У нас дома одного этого слова было бы достаточно, чтобы разговор угас. Но здешний таксист и ухом не ведет.

– А, – роняет он. – Видел я однажды привидение, на севере.

Мама оживляется.

– В самом деле?

– О да, – кивает таксист. – Мы с супругой отправились на денек в горы. Нагулялись на свежем воздухе, посмотрели все, что только можно было, и забрели в ближний замок в надежде перевести дух и подкрепиться.

Ничего странного, думаю я.

– Кухню в этом замке давно переделали в ресторан – кругом камень и стекло, и камин горит. У огня стояли три низких кресла, – продолжает таксист. – Два кресла стояли пустые, а в третьем сидел мужчина и смотрел на огонь. Благородного вида, сразу ясно, что джентльмен. Супруга моя подошла к столу с закусками, а я взял в обе руки по стакану и пошел за ней следом. Проход там узкий, а я не маленький, вот и задел кресло, в котором сидел джентльмен. Чуть не облил его пивом. Я извинился, а жена тут как раз обернулась и спрашивает, с кем это я разговариваю.

– И что вы думаете… – Таксист помолчал, все затаили дыхание. Напряжение было такое, что, казалось, воздух звенит. – Никого там не оказалось. Все три кресла оказались пустыми.

Папа сидит с глубокомысленным видом, как будто пытается решить сложную задачу, зато у мамы глаза блестят, как у маленькой девочки, которая слушает сказки у костра. Мы с Джейкобом встревоженно переглядываемся. Одно дело, когда призрак двигается предметы или затуманивает зеркало в ванной. Но вот так, запросто показаться в нашем мире, как существо из плоти и крови? Это умеет только Джейкоб, но и его вижу только я, и только потому, что мы связаны. Возможно, таксист просто нас разыгрывает или его подвело зрение. Людям иногда мерещатся призраки в темноте, игра света обманывает нас.

Водитель ловит в зеркале мой взгляд.

– Не веришь мне, девочка? – спрашивает он с улыбкой. – Ничего. Поживешь в Шотландии с мое, у тебя свои истории появятся.

Ничего-то он обо мне не знает. У меня и так этих историй выше крыши.

Такси заворачивает за угол, и мы неожиданно оказываемся прямо перед замком из маминой книжки. Только он не маленький, как на картинке. Это настоящий замок в натуральную величину. На скале. Я смотрю на него во все глаза. Папа одобрительно присвистывает. Мама сияет. Даже Джейкоб впечатлен. Замок выделяется на фоне неба, как нарисованный, до чего же он хорош!

– Красотища, верно? – замечает таксист.

Из книги я помню, что замок находится в Старом Городе, поэтому не удивляюсь, когда, переехав через мост (под ним нет воды, там железнодорожный вокзал и большой зеленый парк), мы оказываемся в более старой части Эдинбурга.

Таксист сворачивает с оживленных улиц и едет вниз по склону.

– Ну вот, приехали, – говорит он, останавливаясь перед старым каменным домом с ярко-красной дверью. – Лейнс-Энд.

Глава седьмая

Лейнс-Энд напоминает мне сцену из книги «Гарри Поттер и Орден Феникса». Ту, где Гарри привозят в штаб-квартиру Ордена, в дом Сириуса Блэка, который скрыт заклинанием за фасадом другого дома.

Лейнс-Энд похож на эту штаб-квартиру – серый невзрачный дом, втиснутый между двумя другими, такими же серыми. Дома стоят тесно, как книги на полке, между каменными переплетами нет никакого просвета, крыши ощетинились каминными трубами.

Мы звоним в ярко-красную дверь, и ее тут же отворяет пожилая женщина. У нее румяные щеки, светлая кожа, а у ног вьется толстая белая кошка.

– О, привет, – говорит женщина. – Вы, должно быть, Блейки. А я миссис Уэзершир, хозяйка Лейнс-Энд. Входите.

В вестибюле все стены увешаны старомодными портретами каких-то людей, которые смотрят прямо перед собой. Справа проход в виде арки ведет в гостиную, а в конце вестибюля виднеется деревянная лестница – такая крутая, что возносится вверх, как ствол дерева. Пока миссис Уэзершир рассказывает о правилах жизни здесь, я подхожу к лестнице.

Джейкоб не отстает от меня ни на шаг.

– Ручаюсь, что здесь есть привидения.

Он думает, что привидения есть везде. Что касается Лейнс-Энд, мне пока трудно что-то сказать. Дом, конечно, старый, но это не всегда означает…

В стенах что-то дребезжит – наверное, в трубе, а над головой слышатся шаги.

Джейкоб высоко поднимает брови.

Ну, может быть…

Остановившись у лестницы, я поднимаю взгляд и обнаруживаю, что сверху на меня смотрит девочка.

Она примерно моего возраста, на ней накрахмаленная блузка и юбка в клетку. У нее смуглая кожа, блестящие черные волосы аккуратно заплетены в косу. Она смотрит на меня не мигая, и я тоже не могу оторвать от нее глаз. Что-то в этой девочке кажется мне странным. Знакомым. Я не могу избавиться от чувства, что видела ее раньше – хотя я точно знаю, что этого не может быть.

– Кэссиди! – зовет папа.

Я спешу обратно, к переноске Мрака. Вокруг нее с любопытством крутится пушистая белая кошка миссис Уэзершир, пытаясь просунуть между прутьев лапу. Мрак бросает на меня не то злобный, не то умоляющий взор. Подхватив клетку, я поскорее уношу ее в гостиную.

Высокий потолок, стены, скрытые книжными полками, камин. Перед ним стоит кресло, а по бокам два дивана. Разумеется, я сразу же вспоминаю три кресла из рассказа таксиста. Но никакого призрачного джентльмена здесь нет, только мама с папой и миссис Уэзершир.

Поставив переноску с Мраком, я сажусь на один из диванов и вскрикиваю: я в нем тону, подушка оказывается неожиданно мягкой и я проваливаюсь, как в зыбучие пески.

Мама приходит мне на помощь – протягивает руку и вызволяет из плена. Миссис Уэзершир тем временем ставит на стол чайник и поднос. И это очень кстати: тем, чем кормят в самолете, наесться невозможно.

– Бисквиты? – предлагает миссис Уэзершир, протягивая мне тарелочку, на которой вовсе не бисквиты, а сухое печенье

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Джейкоб имеет в виду комиксы и мультсериал «Железный человек: Приключения в броне».

Купить: https://tellnovel.com/ru/shvab_viktoriya/gorod-prizrakov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить